

DOI: 10.31857/S032103910013561-0

M. GAGARIN. Democratic Law in Classical Athens. Austin: University of Texas Press, 2020. XII, 194 p. ISBN: 978-1-4773-2037-2

Профессор (теперь уже *emeritus*) Техасского университета (г. Остин) Майкл Гагарин (судя по фамилии, у него есть какие-то русские корни) ныне, безусловно, является крупнейшим специалистом по древнегреческому праву — если не в мировом антиковедении, то, во всяком случае, в англосаксонском. В континентальном европейском аналогичное положение занимает австрийский исследователь Герхард Тюр (впрочем, по нашей оценке, вклад Гагарина в изучение этой проблематики все-таки более значим). Кстати, характерно, что эти два ученых на международных конференциях постоянно вступают в острую полемику друг с другом. Им есть о чем спорить: ведь у них более чем достаточно «точек несогласия» — это обусловлено принципиальными теоретико-методологическими различиями в подходах между представленными ими историко-юридическими школами, о чем еще пойдет речь ниже.

Вот уже четыре десятилетия выход каждой очередной книги М. Гагарина становится событием в науке. А среди этих книг — и интересная монография о своде законов Драконта¹, в которой предложена оригинальная и представляющаяся нам верной трактовка сохранившегося фрагмента этого свода², и уникальный общий очерк архаического греческого права³, ничего даже отдаленно сравнимого с которым с тех пор больше не появилось⁴, и лучшее из имеющихся исследований об Антифонте⁵, которого иногда называют «первым европейским правоведом»⁶, и работа о механизмах законотворчества в Элладе⁷, и образцовое издание законодательных памятников из городов Крита с подробнейшим комментарием (в соавторстве)⁸. Новая же его книга по жанру представляет собой изданный автором небольшой курс лекций и, соответственно, ориентирована на достаточно популярное изложение. В ней маститый ученый на склоне лет (ему уже под 80) формулирует ряд долго и тщательно продумывавшихся, даже заветных для него мыслей об особенностях классических афинских правовых норм и практик.

Англосаксонская школа изучения греческого права гораздо моложе континентальной, она сформировалась — если говорить именно о школе, а не об отдельных специалистах — сравнительно недавно (и Майкл Гагарин, между прочим, был в числе тех, кто стоял у ее истоков)⁹. Главная ее отличительная черта заключается в следующем: если континентальная школа понимает греческое право (как и римское, и любое) как набор норм и институтов¹⁰, то англосаксонская — как систему

¹ Gagarin 1981.

² *IG I³ 104* (копия конца V в. до н.э.). Гагарин предположил, что этот закон относится, вопреки общепринятому мнению, не только к неумышленным, но и к любым убийствам, является первым в своде, а его начальные слова *καὶ ἔάν* следует переводить не «и если», а «даже если».

³ Gagarin 1986.

⁴ Книга Hölkeskamp 1999 все-таки значительно уже по тематике.

⁵ Gagarin 2002. Гагарин сделал больше, чем кто-либо, для установления тождества Антифонта-оратора Антифону-софисту.

⁶ Barta 2010, 49.

⁷ Gagarin 2008.

⁸ Gagarin, Perlman 2016.

⁹ О формировании и основных чертах этой школы см. Cohen 2005.

¹⁰ Об этом дает прекрасное представление самый фундаментальный труд по греческому праву — трехтомник Липсиуса (Lipsius 1905–1915). Эта «квинтэссенция континентализма», в сущности, являет собой гигантский каталог институтов. Превалирование институционального подхода присуще данной школе и по сей день. Оно проявляется и у вышеупомянутого Г. Тюра,

социальных практик. Соответственно, право с ее точки зрения абсолютно необходимо изучать не изолированно, а в широком контексте общественной и политической жизни, в которой это право было укоренено (embedded — излюбленное в данной школе выражение). Не скроем, что нам такая базовая установка глубоко импонирует: контекстный анализ правовых реалий, на наш взгляд, ведет к более глубокому и верному их пониманию. Помимо прочего, исследования, написанные в подобном ключе, даже просто интереснее читать.

М. Гагарин — яркий, типичный представитель именно этого исследовательского направления. А в его рамках он по взглядам, пожалуй, ближе всего стоит к С. Тодду¹¹, не столь близко — к Д. Коэну¹²; еще дальше от него Э. Харрис¹³, а наиболее далек П. Родс, который является, если так можно выразиться, в наибольшей степени «континенталистом» из англосаксов. За многие годы работы у Гагарина сложилась тщательно разработанная система представлений о греческом праве, ряд ключевых положений которых переходят у него из работы в работу (преобладание в Элладе процедурного права над субстантивным, возможность установить элементы единства между правовыми системами различных полисов именно на процедурной основе¹⁴, сочетание широко распространенных и общедоступных письменных законодательств с преимущественно устным судебным процессом и др.).

Но обратимся к непосредственному рассмотрению книги «Демократическое право в классических Афинах». Она состоит из введения, предисловия, девяти глав (последняя из которых фактически является заключением, подводящим все основные итоги), списка литературы и указателей. Книга глубоко концептуальна, она, можно сказать, до предела насыщена идеями.

Автор оговаривает, что он совершенно сознательно дал книге такое название, которое у современных правоведов может вызвать недоуменные вопросы. В словосочетании «демократическое право» ныне увидят недопустимое сближение двух категорий из разных, не имеющих друг к другу отношения сфер. Право сегодня принято четко отделять от политики, форм государственного устройства и т.п.; оно не может быть «демократическим» (или, допустим, «олигархическим»). Две главные системы западного права — гражданское право континентальных европейских стран и «обычное право» (common law) англосаксонского мира — родились отнюдь не в условиях демократии. Последнее сложилось в монархической феодальной Британии, первое стало плодом рецепции римского права в позднесредневековой Европе, тоже феодальной и монархической. Тем не менее обе эти системы, не претерпев сколько-нибудь принципиальных изменений, благополучно функционируют в теперешних демократических государствах.

М. Гагарин подчеркивает, что в классических Афинах было совсем не так: там право осознанно воспринималось как неотъемлемая часть демократии. «Демократия, в собственно афинском смысле государственного управления, на всех уровнях контролируемого демосом, рядовыми гражданами, лежит в сердце афинского права... Убежденность афинян в том, что право тоже должно быть демократическим, привела их к созданию правовой системы, которая также предусматривала полное участие¹⁵ и контролировалась рядовыми гражданами, а не учеными знатоками или профессионалами-правоведами» (с. 6). Имеется в виду, что, поскольку афинская демократия была прямой и, в отличие от современных демократий, предполагала реальное, широкое и постоянное политическое участие народа, эти черты переносились и на судебную-правовую сферу. Главной целью права мыслилось благо демократии, демократического полиса и его граждан. Современные правовые системы таких целей вообще не ставят.

«У афинян не было представления об автономной правовой системе. Напротив, они сознательно создали правовую систему, которая являлась интегральной частью их демократической политической системы. Отделение права от государственного управления для них не имело смысла» (с. 20).

Отмеченный выше акцентированный, последовательно проводившийся принцип непрофессионализма в судопроизводстве Афин породил резко негативные высказывания о последнем в нау-

и у знаменитого датчанина М. Хансена, который, хотя и публикуется, как правило, по-английски, в идейном плане как раз противостоит англосаксонским историкам права (см. его акцентированную защиту институционального подхода Hansen 1989, 263–269).

¹¹ Todd 1995.

¹² Cohen 2000.

¹³ Harris 2006.

¹⁴ Gagarin 2005.

¹⁵ «...was also fully participatory». В связи с трудностью перевода подобных выражений на русский см. Makhlayuk, Surikov 2016, 478–479 (по поводу Hammer 2015).

ке. М. Гагарин приводит ряд соответствующих цитат из работ антиковедов XIX–XX вв.¹⁶ Постоянно припоминают, что самым «прославленным» деянием афинского суда присяжных стал смертный приговор одному из величайших мыслителей в истории человечества, который притом уж точно не совершил чего-то достойного казни; апеллируют к непривлекательному образу героя аристофановских «Ос» дикаста Филоклеона – невежественного, корыстного, циничного старика.

М. Гагарин и не скрывает, что одна из задач его новой книги – дать некую апологию афинской судебно-правовой системы, защитить ее от тех из упреков, которые представляются ему неправомерными. Относительно же Филоклеона и его коллег по гелие, таких же стариков, составляющих в «Осах» хор, ученый замечает, что не следует относиться к аристофановской пародии как к прямому отображению действительности и формировать на ее основе представление о том, каков был типичный присяжный в Афинах. Обычно, кстати, именно так и делают: в очень многих работах встречается тезис, согласно которому афинские суды в массе своей комплектовались такими вот пожилыми низкостатусными гражданами. Мы, со своей стороны, напомним бы, что комедии Аристофана – это и в принципе «кривое зеркало». Если пользоваться ими как источником без должной критики – каким перед нами предстанет, скажем, тот же Сократ? В совершенно превратном свете.

По наблюдению М. Гагарина, по своему социальному, возрастному и иному составу суды присяжных демонстрировали, вопреки комедиографу, большое разнообразие и давали, в общем-то, достаточно репрезентативный срез афинского общества в целом¹⁷. Впрочем, тут, конечно, не обойтись без определенных оговорок. В гелие не могло быть лиц моложе 30 лет. Кроме того, как уточняет сам же Гагарин (с. 135), в ней, по всей видимости, все-таки должна была быть выше средне-пропорциональная доля афинян старшего возраста, а также жителей города и его ближних окрестностей (по сравнению с обитателями отдаленных демов).

В первой главе книги («Демократия», с. 10–33) автор дает характеристику государственного устройства классических Афин. Он выделяет пять его главных черт: абсолютная власть народного собрания, в том числе и в законодательной сфере (по его мнению, она фактически оставалась таковой даже и после учреждения коллегии номофетов в IV в. до н.э.); краткий (как правило, годичный) срок пребывания на своих постах должностных лиц, которые к тому же, за нечастыми исключениями, избирались по жребию; строжайшая ответственность этих должностных лиц, постоянные отчеты; контроль народа над правовым процессом; эгалитаризм. В этой же главе обозначается место судебных институтов в политической системе афинского полиса. По мнению исследователя, гелиея наряду с экклесией была одним из двух наиболее важных органов государства, остальные имели меньшее значение (укажем, что такова же и точка зрения М. Хансена).

Судебную процедуру, практиковавшуюся в Афинах, М. Гагарин характеризует как крайне простую и в силу этого доступную практически каждому. Она следовала схеме «подача искового заявления – несколько предварительных слушаний у компетентного магистрата – суд как таковой, с его составительным характером». В современных государствах гражданину без помощи профессиональных юристов (как правило, платной и обычно весьма дорогостоящей) трудно, да и почти невозможно возбудить и успешно провести процесс в суде. В Афинах же «вся система... находилась в руках любителей» (с. 25). Законы тоже имели ту особенность (это, впрочем, относится и ко всему греческому миру), что писались ясным и понятным языком, без злоупотребления технической терминологией; соответственно, их интерпретация также не требовала консультаций у специалиста (Гагарин приводит для сравнения неудобочитаемые цитаты из некоторых американских законов – контраст действительно разителен). И в данном смысле, таким образом, афинское право было демократичным.

Вторая глава (с. 34–50) называется «Игра». Так мы предпочитаем переводить оригинальный заголовок «Performance»; это точнее, чем, скажем, «Представление» или «Зрелище»¹⁸. Речь идет о том, что каждый судебный процесс был, по сути, неким постановочным действием, чем-то вроде

¹⁶ Кстати, вечный оппонент Гагарина Г. Тюр тоже принадлежит к критикам афинской системы судопроизводства, которая, по его мнению, являлась «тупиковой», неспособной к развитию (Thür 1995).

¹⁷ Такой вывод делается, в частности, на основании анализа пинакиев – именных судебных табличек (о которых см., например, Voegehold 1995, 59–64).

¹⁸ Исходим из того, что соответствующая античная категория, принадлежавшая арсеналу как судебной риторики, так и театра (греч. ὑλόκρισις, лат. actio), наиболее адекватно может быть передана по-русски как «игра» (см. Surikov 2018, 523–527).

спектакля; неслучайно они активно посещались зрителями¹⁹. В начале главы автор останавливается на интересном тезисе Э. Холл²⁰, согласно которому на суды в данном отношении повлиял афинский театр как таковой. Соглашаясь, что черты сходства между двумя феноменами налицо, М. Гагарин указывает и на серьезное различие: в судах «ценой вопроса» была не награда победителю, как на театральных состязаниях, а вещь гораздо более серьезная — судьба человека (подчас даже жизнь). Главной же ошибкой Холл он считает то, что она не учитывает: пресловутая «театральность» была присуща судам у греков даже и тогда, когда до рождения театра в собственном смысле слова было еще очень далеко. В связи с этим напоминает самое раннее свидетельство о судопроизводстве в Элладе — знаменитое изображение тяжбы на шите Ахилла в «Илиаде» Гомера. В этой сцене, в сущности, уже присутствуют все элементы действия — вплоть до наличия зрителей.

Что касается классических Афин, в них стороны в процессе всегда должны были принимать во внимание этих зрителей и их реакцию. В судебных речах часто упоминается поднимаемый ими шум, ропот (ὄρουρος), которым они выражали недовольство чем-то из прозвучавшего и который легко мог оказать влияние на выносимый судьями приговор. В этой необходимости для тяжущихся приравниваться к аудитории автор видит одно из важных следствий характера афинского судопроизводства: содержание речей должно было согласовываться с традициями и ценностями общины. Другим следствием он называет важность риторики в суде.

О риторике в связи с правом подробнее говорится далее, но перед тем следует третья глава, «Переговоры» (с. 51–70). Как известно, во всех обществах в случае возникновения конфликта многие предпочитают разрешить его переговорным путем, не обращаясь в суд, поскольку судебное решение, как правило, нельзя предсказать заранее. Более того, нередко и после возбуждения дела продолжают переговоры между сторонами; если они увенчиваются успехом, иск отзывается. Речь идет, естественно, о частноправовых процессах. В Афинах такое тоже практиковалось, но, кроме этого, были и случаи, когда переговоры в ходе тяжбы предлагались одной из сторон не для того, чтобы действительно прийти к компромиссу, а с риторической целью усилить свою позицию на суде.

Особенно характерны в этом смысле предложения о пытке (βάσσανος) рабов, которых немало в сохранившихся судебных речах. В Афинах снимать свидетельские показания с рабов полагалось только под пыткой, в присутствии представителей обеих тяжущихся сторон. Институт этой пытки хорошо зафиксирован в источниках, но, что интересно, чисто теоретически: не известно ни одного случая, когда бы эта мера была реально применена²¹.

В связи с пыткой был разработан ряд риторических стратегий. Например: участник процесса требует от оппонента выдать на пытку раба, который тому почему-либо дорог. Следует отказ, и этот отказ тяжущийся использует в своей судебной речи, заявляя: мой противник не пожелал установить истину посредством пытки, а, стало быть, сам признаёт свою неправоту. Другая стратегия: участник процесса предлагает своих рабов для пытки оппоненту, при том что последнему ясно: никаких новых данных для процесса эта пытка не даст. По этой причине опять же следует отказ, который аналогичным образом используется в своей речи инициатором предложения (точнее, «псевдопредложения»).

Подобные «псевдопредложения» могли звучать не только о пытке. Вот еще один вариант их использования: тяжущийся заявляет, что готов принести клятву, если представитель другой стороны согласится на это. Тот понимает, что если он согласится, то свяжет себя: ему придется принять то, что будет клятвенно заявлено, хотя бы то была полная ложь. Он отказывается, а первый участник риторически обыгрывает это в речи. Иногда с аналогичной целью также предлагали вызвать свидетелей, которые не могли дать относящихся к делу показаний. Во всех таких случаях ожидали не согласия, не компромисса, а именно отказа; подобного рода предложения были направлены не на смягчение ситуации, а на ее обострение.

¹⁹ Lanni 1997.

²⁰ Hall 2006, 353–392.

²¹ В одной из речей Антифона (Antiph. V) обвинители пытаются собственного раба, но сугубо частным образом, не пригласив представителей противной стороны, причем пытаются, судя по всему, для того, чтобы получить от раба не правдивые, а нужные им показания (а после того убивают раба). Таким образом, данный случай ввиду грубейших нарушений не может быть принимаем во внимание. Ко всей этой проблематике см. Surikov 2012 (со ссылками на литературу вопроса).

В данной связи не можем не припомнить концепцию «агонального права», выдвинутую Д. Коэном²²: в агональном обществе — каковым, безусловно, являлось древнегреческое — право не сглаживает конфликты, а служит средством их выражения. Впрочем, следует сказать, что М. Гагарин не разделяет этого тезиса.

Четвертая глава, «Риторика» (с. 71–92), начинается с констатации того факта, что древнегреческий судебный процесс с самого начала (так он изображен уже у Гомера) имел своим главным элементом обмен речами, которые произносились тяжущимися сторонами. Уже это приводило к тому, что в нем очень большую роль играл риторический элемент, впоследствии занимавший куда более скромное место как в римском праве, так и в современных правовых системах. Именно засилье риторики в афинских судах всегда было одним из главных объектов критики. Критика эта началась еще в пору функционирования самих афинских судов. Судебную риторику, которая учила, по выражению Протагора, τὸν ἴττω λόγον κρείττω ποιεῖν (Protag. fr. B6b DK), порицали Аристофан в «Облаках», Платон в ряде диалогов (особенно в «Горгии»). То, что она имела дурную репутацию уже в глазах современников, видно из следующего обстоятельства: нередко в речи перед судьями тяжущийся представляет себя неискусным в мастерстве говорить (предполагается, что это ему в плюс), а противника, — наоборот, уж чрезмерно красноречиво выступающим: значит, он — или понаторевший в тяжбах сикофант, или нанял дорогого логографа.

М. Гагарин отмечает, что в эпоху, о которой идет речь, еще не родилась криминалистика (forensic science), которая в наши дни позволяет добывать неопровержимые улики. Доказать что-то безоговорочно было практически невозможно, поэтому весь процесс основывался на соображениях вероятности, правдоподобия. О том, что судебное красноречие имеет целиком вероятностную основу, говорил еще Аристотель в «Риторике». Тяжущиеся состязались в первую очередь в том, кто из них в своей речи сумеет представить судьям более убедительную картину событий. Ведь афинские присяжные, в сущности, черпали всю информацию по делу, которое они судят, только из этих речей: никаких иных источников у них не было, они не изучали перед процессом материалы следствия, как это делается теперь.

Автор не отрицает, что судебная риторика часто ставила задачей эмоциональное воздействие на судей. Впрочем, завершает он данную главу формулировками, характерными для общего апологетического тона книги: «Это не означало, однако, что риторика преобладала над всеми прочими соображениями... Несмотря на важность риторики, она оставалась служанкой, а не госпожой права» (с. 92).

Следующая глава имеет заголовок «Правила и релевантность» (с. 93–114). В ней поднимается проблема, которую автор считает едва ли не главной для всей книги. Критики афинской системы судопроизводства в качестве одного из самых серьезных ее недостатков указывают на то, что тяжущиеся в своих речах сплошь и рядом отклонялись от непосредственного предмета рассмотрения на процессе и начинали пространно говорить о вещах, не относящихся к делу, irrelevantных (восхвалять свои прошлые заслуги, хулить противника и т.п.).

М. Гагарин пытается доказать, что это не так. Он указывает, что в судах действовало правило (хотя, возможно, оно было неписанным), согласно которому выступающие должны были εἰς τὸ πρῶτον λέγειν. Но, по его мнению, само понимание релевантности в Афинах было более широким по сравнению с современным²³. В наши дни, например, будет совершенно неприемлемым, если в суде представитель одной стороны начнет рассуждать о характере своего противника. «Для афинян, однако, характер и предшествующее поведение оппонента тяжущегося помогало воссоздать более полный контекст дела, и, кажется, считалось, что это помогает судьям определить вероятность его вины и невинности» (с. 110).

Итак, релевантным считался *контекст* дела. Возьмем известный процесс Евфилета, убившего Эратосфена, любовника его жены (Lys. I). В речь, составленную для клиента, опытный логограф Лисий включает не только рассказ о самом убийстве. Он подробно останавливается на том, как Евфилет жил со своей супругой, как ее соблазнил Эратосфен, как обманутому мужу стало это известно и т.п. Ибо на самом деле всё это *имеет* отношение к делу. Напротив, «современное право в целом отвергает контекстуализацию факта» (с. 110), что, может быть, и не является достоинством.

²² Он развивал ее в целом ряде работ, см. хотя бы Cohen 1991.

²³ См. аналогичную точку зрения в Rhodes 2004; Lanni 2005.

Автор всё ближе подходит к вопросу о том, соответствовала ли афинская судебно-правовая система принципам «власти закона» (the rule of law²⁴). Для этой системы, помимо чисто правовых соображений, имели большое значение категории, в устойчивой, повторяющейся в ораторских речах формулировке обозначаемые τὸ δίκαιον καὶ τὸ συμφέρον, «справедливое и (общественно) полезное». Этим категориям исследователь посвящает две следующие главы книги.

В шестой главе, «Справедливость» (с. 115–131), отмечается, что современные системы права вообще не оперируют такой категорией, как справедливость: она считается опять же лежащей в иной, не правовой плоскости. Решения судов должны быть *законными*; требование, чтобы они при этом были еще и *справедливыми*, не предъявляется. Более того, если соображения справедливости и соображения законности вступают в конфликт (что иногда случается), судья обязан при вынесении приговора руководствоваться последними. Причина ясна: что законно, а что нет — легко установить из самих законов, в то время как справедливость — вещь субъективная, о ней у каждого свои понятия.

В афинских же судах требовалось, чтобы решения были не только законными, но и справедливыми. При этом судьи не оказывались перед каким-либо противоречием, поскольку считалось, что любой закон по определению справедлив. Соответственно, что соответствует закону — то соответствует справедливости, что соответствует справедливости — то соответствует закону. В нынешнем менталитете вполне мыслим поступок несправедливый (т.е. нарушающий нормы морали) и при этом не являющийся незаконным. М. Гагарин цитирует по данному поводу газетную статью о видном американском политике: «Джон Эдвардс сделал много несправедливого в своей жизни... но он не преступал закон» (с. 116). В классических Афинах подобная постановка вопроса была бы невозможной.

Продолжается рассмотрение этого круга проблем в седьмой главе, «Общественные интересы» (с. 132–153). В тех же судебных речах рефреном звучит следующий аргумент: если судьи вынесут по рассматриваемому делу тот приговор, которого требует выступающий, это в дальнейшем послужит государству на пользу, а если не вынесут — это пойдет ему во вред. Другой аспект той же тематики: тяжущиеся часто начинали описывать присяжным свои былые заслуги (например, об исполнении литургий), дабы показать, что они полезные для полиса граждане и суд должен принять это во внимание.

На этом аспекте автор останавливается подробно, демонстрируя, что необходима его нюансировка. Подробный рассказ о своей полезности — вещь сравнительно нечастая. Самый яркий пример — речь Демосфена «О венке» (XVIII), но в ней пространные экскурсы pro domo совершенно оправданны, поскольку предмет самого процесса состоит в том, заслужил ли оратор за свою деятельность венки в награду, и его цель — доказать, что заслужил. Обычно же о литургиях и пр. упоминается достаточно кратко, ближе к концу речи, и это долженствует быть лишь одним из второстепенных аргументов, дающихся в дополнение к более важным и релевантным.

На наш взгляд, данный сюжет М. Гагарин разбирает даже чрезмерно детально, анализируя буквально все имеющиеся в судебных речах пассажи такого рода. Он хочет продемонстрировать неправомочность нередко встречающегося суждения (например, Lys. XXX. 1), согласно которому обвиняемый, неспособный доказать свою невиновность, мог тем не менее добиться от присяжных оправдания исключительно через апелляцию к прошлым заслугам. Да, в корпусе сохранившихся речей не обнаруживается ни одного случая, когда перечисление таковых заслуг являлось бы единственным или хотя бы главным доводом защиты. Но подчеркнем здесь слово «сохранившихся». Нужно помнить, что до нас дошла лишь малая (очень малая) толика тех речей, которые произносились в гелиее классических Афин. Как можно исключить, что среди недошедших могли быть и такие, в которых упор делался на то, что говорящий — хороший гражданин? Такое могло случаться, например, у посредственных логографов, наследие которых потому и было утрачено, что не блистало качеством. Ведь то, что мы имеем, — это лучшие речи лучших ораторов, продукт отбора на протяжении многих поколений.

Восьмая глава книги называется «Власть закона» (с. 154–167). Она начинается указанием на фундаментальную монографию М. Оствальда²⁵, в которой в свое время наиболее подробно был развит тезис о том, что на рубеже V–IV вв. до н.э., после Пелопоннесской войны, олигархических

²⁴ Это распространенное выражение в политологической литературе нередко также переводят как «верховенство права».

²⁵ Ostwald 1986.

переворотов и законодательной реформы²⁶, в Афинах имела место трансформация от «власти народа» к «власти закона». Эта точка зрения была с энтузиазмом принята одними специалистами, другие же с ней не согласились. Позиция же самого М. Гагарина в этом споре оригинальна: он считает, что само это противопоставление надуманно. В Афинах одновременно существовали «власть народа» и «власть закона», и никакого противоречия между ними не ощущалось, поскольку считалось, что, с одной стороны, народ — творец законов, а с другой — законы направлены на благо народа.

Впрочем, основная цель этой главы несколько иная: выяснить, обеспечивалась ли в классических Афинах пресловутая «власть закона». Для этого автор берет из современной политологической литературы развернутое определение «власти закона» и начинает применять содержащиеся в нем критерии к афинской демократии. Как и следовало ожидать, последняя оказывается удовлетворяющей одним из этих критериев (например, равенству всех перед лицом закона) и ни в коей мере не удовлетворяющей другим (например, соблюдению прав человека — о таких в античности просто еще ничего не знали²⁷). Впрочем, вся подобная операция представляется нам несколько схоластической: какой смысл оценивать некую систему под углом правил, которые вовсе не для нее писались?

В главе делается следующее заключение: «Афиняне не только верили во власть закона как важную цель, но их правовая система и на практике в большой степени достигала этой цели... Афинское право имело три главные цели, которые, в тогдашнем понимании, были вполне совместимы друг с другом: справедливость, общественное благо и власть закона» (с. 166). Далее М. Гагарин уточняет формулировку: эти три цели были, в сущности, одной тройственной целью — «обеспечивать власть закона в полном афинском демократическом смысле» (с. 167).

В последней, девятой главе («Успех демократического права», с. 168–175) вначале кратко суммируются выводы предыдущих глав, а затем высказываются некоторые итоговые соображения. По словам автора, афиняне воспринимали свою правовую систему как часть своей политической системы (и часть в некоторых отношениях едва ли не самую важную); идея автономного права была бы для них бессмысленной. Понятно, что афинское право было приспособлено к нуждам относительно небольшой общины граждан, для которой характерно прямое политическое участие. Только в рамках такой общины оно и могло нормально работать; невозможно представить, чтобы оно, как римское право, было реципировано в более крупных сообществах. Но интересы этой малой общины данная правовая система обслуживала лучше, чем это делала бы любая иная, будь то римское право или современное западное право. «Афинское право было верной правовой системой для Афин», — такова завершающая фраза книги (с. 175).

Итак, теперь в распоряжении читателей есть прекрасный теоретический очерк принципиальных черт афинского права, написанный, кстати говоря, ясным и понятным, местами ярким языком, так что он будет вполне доступен и неспециалисту. Мы читали его не только с неослабевающим интересом, но и, не скроем, с подлинным наслаждением — это работа большого мастера (из чего, разумеется, не проистекает, что со всем в ней можно согласиться). Весьма полезен был бы перевод книги М. Гагарина на русский язык, особенно ввиду катастрофического дефицита литературы о греческом праве в нашей стране.

Литература / References

- Barta, H. 2010: «*Graeca non leguntur*? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. I. Wiesbaden.
- Boegehold, A.L. 1995: *The Lawcourts of Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia*. (The Athenian Agora, 28). Princeton.
- Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford.

²⁶ О которой см. теперь Carawan 2013. Автор этой книги — ученик М. Гагарина, впоследствии, впрочем, серьезно разошедшийся с ним во взглядах на многие вопросы: законодательство Драконта, интерпретация ряда речей Антифонта (см. прежде всего Carawan 1998).

²⁷ М. Гагарин остроумно замечает (в предыдущей главе, с. 151–152), что греки вообще мыслили не категориями прав, а категориями обязанностей. Ныне участник процесса может заявить в суде, что он имеет право быть беспристрастно выслушанным судьями. А Демосфен в своих речах ту же мысль формулирует иначе: судьи *обязаны* беспристрастно выслушать его.

- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Cohen, D. 1991: Demosthenes' *Against Meidias* and Athenian litigation. In: M. Gagarin (ed.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 156–164.
- Cohen, D. 2000: *Law, Violence, and Community in Classical Athens*. Cambridge.
- Cohen, D. 2005: Introduction. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 1–26.
- Gagarin, M. 1981: *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven.
- Gagarin, M. 1986: *Early Greek Law*. Berkeley—Los Angeles—London.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gagarin, M. 2005: The unity of Greek law. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 29–40.
- Gagarin, M. 2008: *Writing Greek Law*. Cambridge.
- Gagarin, M., Perlman, P. 2016: *The Laws of Ancient Crete c. 650–400 BCE*. Oxford.
- Hall, E. 2006: *The Theatrical Cast of Athens: Interactions between Ancient Greek Drama and Society*. Oxford.
- Hammer, D. (ed.) 2015: *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Malden (MA)—Oxford.
- Hansen, M.H. 1989: *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989*. Copenhagen.
- Harris, E.M. 2006: *Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics*. Cambridge.
- Hölkeskamp, K.-J. 1999: *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland*. (Historia-Einzelschriften, 131). Stuttgart.
- Lanni, A.M. 1997: Spectator sport or serious politics? Οἱ περιεστηκότες and the Athenian lawcourts. *Journal of Hellenic Studies* 117, 183–189.
- Lanni, A. 2005: Relevance in Athenian courts. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 112–128.
- Lipsius, J.H. 1905–1915: *Das Attische Recht und Rechtsverfahren mit Benutzung des Attischen Processes*. Bd. 1–3. Leipzig.
- Makhlayuk, A.V., Surikov, I.E. 2016: [Hellas and Rome *sub specie comparationis* (A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden—Oxford, 2015)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 76/2, 477–489.
- Махлаюк, А.В., Суриков, И.Е. Эллада и Рим *sub specie comparationis* (A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden—Oxford, 2015). *ВДИ* 76/2, 477–489.
- Ostwald, M. 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley—Los Angeles—London.
- Rhodes, P.J. 2004: Keeping to the point. In: E.M. Harris, L. Rubinstein (eds.), *The Law and the Courts in Ancient Greece*. London, 137–158.
- Surikov, I.E. 2012: [Antiphontea VII: Judicial torture in Antiphon's speeches]. *Studia historica* 12, 33–60.
- Суриков, И.Е. Antiphontea VII: Судебная пытка в речах Антифонта. *Studia historica* 12, 33–60.
- Surikov, I.E. 2018: [Phryne made naked by Hyperides, or Rhetoric of gesture in ancient Athens (Towards the problem of nonverbal elements in the discourse)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/3, 519–544.
- Суриков, И.Е. Фрина, обнаженная Гиперидом, или Риторика жеста в античных Афинах (К вопросу о невербальных элементах дискурса). *ВДИ* 78/3, 519–544.
- Thür, G. 1995: Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 321–331.
- Todd, S.C. 1995: *The Shape of Athenian Law*. Oxford.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия